

Женя Черняк

**Двойная
жизнь
училки**

Женя Черняк

Двойная жизнь училки

«Литнет»

2025

Черняк Ж.

Двойная жизнь училки / Ж. Черняк — «Литнет», 2025

Она — преподаватель английского в престижном университете, днём безупречная и строгая, а ночью — полуобнажённая танцовщица в ночном клубе. Он — её студент, юный, пылкий, не умеющий скрывать чувства. Их связь — запретная игра на грани фола, где каждый шаг может стать последним для её карьеры, а его импульсивность грозит раскрыть тайну, которую отчаянно бережёт. Между строгими стенами университета и мерцающими огнями ночного клуба разворачивается история любви, в которой ревность сталкивается с рассудком, страсть противостоит правилам, молчание становится громче слов. Смогут ли они сохранить отношения в мире, где любое неосторожное движение грозит катастрофой? Или тайное неизбежно станет явным, и разрушит всё, что между ними есть? Это не просто роман о запретной любви. Это история о выборе, страхе и смелости быть собой даже когда весь мир против тебя.

© Черняк Ж., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

1 глава	5
2 глава	8
3 глава	11
4 глава	13
5 глава	16
6 глава	19
7 глава	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

1 глава

1 глава

Сентябрьское утро выдалось на удивление тёплым. Солнечные лучи пробивались сквозь листву старых лип, росших вдоль университетского двора, и рисовали на асфальте причудливые узоры. Анна Львовна Вересова стояла у окна своего кабинета, наблюдая, как студенты суетятся у входа: кто-то торопливо дожёвывал бутерброд, кто-то затягивался электронной сигаретой, пряча её в кулак, а кто-то, как всегда, пытался списать домашнее задание за пять минут до звонка.

Она поправила строгий бежевый жакет, провела ладонью по юбке-карандаш, что было для неё привычным ритуалом перед парой. В воздухе пахло осенними листьями, свежескошенной травой и едва уловимо дешёвым мужским одеколоном, которым щедро поливался один из новых преподавателей.

— Ну что ж, пора, — вздохнула Анна, беря со стола стопку тетрадей.

Кабинет английского был её маленьким королевством. Доски с правилами, плакаты с идиомами, полка с книгами — всё располагалось в строгом порядке. Даже солнечные блики, казалось, ложились на парты по заранее продуманной схеме.

Звонок прозвенел резко, будто выстрел. Студенты потянулись в класс — кто неторопливо, кто вприпрыжку. Среди них, как всегда, выделялся Кирилл Зарецкий: джинсы с нарочито потрёпанными коленями, чёрная футболка с логотипом какой-то неизвестной Анне рок-группы, небрежно перекинутый через плечо рюкзак.

— Доброе утро, ребята, — Анна обвела всех взглядом. — Сегодня у нас важный разговор о временах английского глагола. Кто назовет мне, в чём ключевое отличие *present perfect* от *past simple*?

Тишина. Кто-то уткнулся в телефон, кто-то разглядывал потолок, будто там были написаны ответы. Только Кирилл, развалившись на стуле, смотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Зарецкий, может, вы просветите нас? — Анна постаралась, чтобы голос звучал ровно.

Он медленно поднял глаза, улыбнулся, но не нагло, а так, словно знал какую-то тайну.

— *Present perfect* — это про связь прошлого с настоящим. Например, «*I have read the book*» — «я прочитал книгу», и теперь могу обсудить её с вами. А *past simple* — это просто факт: «*I read the book yesterday*» — «я прочитал книгу вчера», и всё, точка.

— Отлично, — Анна кивнула, стараясь не выдать удивления. — А почему тогда в вашем домашнем задании на той же странице написано: «*I have a book about dragons*»?

Класс взорвался смехом. Марина из первого ряда даже хлопнула в ладоши.

— Потому что я решил добавить немного магии в сухую грамматику, — Кирилл подмигнул. — Нельзя же всё время быть серьёзными, Анна Львовна. Жизнь — она как английский: иногда нужно нарушать правила, чтобы получилось красиво.

— Жизнь — не сочинение на ЕГЭ, — возразила Анна, но в голосе уже проскользнула улыбка. — И в отличие от вашего дракона, правила английского языка не терпят фантазий. Итак, откройте страницу 47.

— Слушаюсь, командир, — он шутливо отдал честь, но в глазах мелькнуло что-то серьёзное.

На секунду ей показалось, что этот юноша пытается с ней заигрывать, флиртовать, но такое ощущение улетучилось почти мгновенно. Она никогда не рассматривала своих студентов в качестве потенциальных ухажёров. Это было абсолютно абсурдно и неприемлемо в таблице её личных ценностей.

Зашуршали страницы учебников. Кабинет наполнился атмосферой привыкшей суеты. Образ строгой учительницы полностью поглотил Анну Львовну.

Вечером того же дня в ночном клубе «Эклипс» пахло потом, алкоголем и дешёвым освежителем воздуха с ароматом клубники. Где-то за стеной гремела музыка, слышались пьяные возгласы и звон бокалов. Анна стояла у зеркала, натягивая чёрные перчатки до локтя. Вместо строгого пиджака на ней был латексный корсет, а вместо очков дымчатый макияж, превращавший её глаза в бездонные озёра. На запястье блестел тонкий серебряный браслет — единственная вещь, которую она позволяла себе носить и днём, и ночью.

— Луна, ты на разогреве через пять, — крикнул администратор, не отрываясь от планшета. — Клиент в первом ряду — особый. Смотри не подведи.

Она кивнула, сделала глубокий вдох. Здесь её звали Луна. Здесь она была не учительницей, а танцем. Здесь правила устанавливала она.

Музыка ударила басами, замигали прожекторы. Анна вышла на сцену, и зал тут же отреагировал: свист, аплодисменты, протянутые купюры. Она начала с медленного волнообразного движения, чувствуя, как ритм проникает в кости, как каждый мускул отзывается на бит.

В толпе возбуждённых мужиков кто-то достал смартфон в намерении заснять выступление полуголой танцовщицы на камеру. В тот же миг мужчину выцепил подоспевший охранник. После короткого разговора он повёл мужчину к выходу. Для него сегодняшний вечер был окончен. В клубе действовали строгие правила, и одно из них строго запрещало снимать тут всё на телефон.

— Эй, Луна! — чей-то голос из первого ряда. — Сделай приватку!

Она скользнула взглядом по зрителям. Молодой парень в дорогом пиджаке. Знакомые черты... Нет, не может быть!

Сердце пропустило удар, но танец не сбился. Анна продолжила, намеренно замедляя движения, будто дразня. Мысли путались в голове. «Он не может меня узнать. Не в этом образе. Не с этим светом».

После выступления она почти бежала к гримёрке, но голос администратора остановил её:

— Луна, стой. Там клиент... особенный. Хочет приватный танец. Предлагает даже не двойной, а тройной тариф.

— Кто? — Анна сглотнула, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Тот красавчик в первом ряду. Говорит, ты его вдохновила.

— Я не работаю с постоянными клиентами, — она попыталась обойти администратора.

— Послушай, — он понизил голос, — ты же знаешь, как тут всё устроено. Если клиент настаивает, мы не можем отказать. Тем более за такие деньги.

Анна замерла. В голове крутились цифры — аренда квартиры, плата за интернет, старая мамина шуба, которую давно пора заменить...

— Сколько? — колеблясь, переспросила она.

— Тройной тариф. Плюс бонус, если согласишься на разговор после.

— Разговор? — она рассмеялась. — Я не нанималась в психотерапевты.

— Он настаивает. Говорит, хочет узнать тебя поближе.

— Меня? — Анна провела рукой по корсету. — Или Луна?

Администратор пожал плечами:

— Не моё дело. Решай сама. Но деньги хорошие.

Зарецкий! Её студент, прилежный ученик. Но как он мог прознать про неё? И чего ему надо?

На принятие решения ушло чуть больше десяти минут. И всё же она согласилась. Может потому, что её раздирало любопытство, а может из-за того, что училка не желала быть раскрытой внутри стен университета, и сейчас ей жизненно необходимо понять насколько сильно она влипла.

Приватная комната. Такая комната была почти во всех ночных клубах. Сегодня тут не пахло похотью и запретной страстью. Сегодня тут повисло небывалое напряжение.

Анна смотрела на своё отражение: бледные губы, тёмные тени под глазами, блестящие от пота волосы. «Это просто работа. Просто работа, чёрт возьми!»

Дверь приоткрылась. Кирилл вошёл без стука, оглядывая комнату с любопытством.

— Не ожидал увидеть тебя здесь, — его голос звучал ниже, чем в кабинете.

— А я не ожидала увидеть тебя в «Эклипсе», — она скрестила руки. — Ты же «не интересуешься клубной культурой», как ты сказал на прошлом уроке.

— Люди меняются, — он улыбнулся, присаживаясь на край столика. — Или не меняются, а просто открывают новые грани. Как ты.

— Какие ещё грани? — Анна приподняла бровь.

— Ты думаешь, я не заметил, как ты смотришь на меня на парах? Как будто пытаешься разгадать. А теперь я разгадываю тебя.

— Ты ничего не разгадываешь, — она отвернулась к зеркалу. — Ты просто видишь то, что хочешь видеть.

— А что я хочу видеть?

— Юную танцовщицу, которая готова на всё за деньги.

— Нет, — он встал, подошёл ближе. — Я вижу женщину, которая прячется. И мне интересно, почему.

Анна резко развернулась:

— Слушай, Зарецкий. Ты платишь за танец, а не за разговор. Если хочешь что-то сказать — говори по делу.

— Дело в том, что ты мне нравишься, — он достал из кармана конверт, положил на стол. — Здесь сумма. Втрое больше, чем ты обычно берёшь. Но у меня условие.

— Какое же?

— После танца мы идём в кафе. Ты в обычной одежде. Без масок.

Она рассмеялась:

— Ты серьёзно? Думаешь, я брошу всё ради твоего каприза?

— Я думаю, ты устала прятаться, — он наклонил голову. — И ещё я думаю, что ты хочешь это обсудить. Просто боишься начать.

Тишина. Только гул музыки из зала, отдалённые крики, звон бокалов.

Анна медленно взяла конверт, провела пальцем по краю.

— Танец. И только. Остальное — забудь, потому что меня не надо спасать.

— Как скажешь, — он улыбнулся. — Но я всё равно буду ждать.

— Хоть до утра, дорогой. Я всё равно не приду.

Он промолчал.

Анна набралась смелости и мигом вскочила ему на колени. Парень явно этого не ожидал. Она чувствовала, как он напрягся, и её это слегка позабавило. Она поняла, что сейчас он на её территории, впрочем, как всегда. Коснувшись губами его шеи, она тихо прошептала:

— Расскажи, милый, кто ещё в курсе о моей второй работе?

— Никто. Только я. Клянусь, — с трудом выдохнул он.

Он не мог сдержать возбуждения, и она это чувствовала. Старался изо всех сил, но не мог. И вдруг она начала извиваться над ним словно змея, расслабившись и отключив мозг ровно на то время, которое он оплатил.

2 глава

2 глава

Анна стояла у доски, объясняя разницу между must и have to, но взгляд то и дело скользил к парте у окна. Кирилл сидел, развалившись, и смотрел на неё. Не на доску. Не в учебник. Прямо на неё.

— ...поэтому мы говорим «I must study» — «я должен учиться», когда это наш внутренний выбор, — она запнулась, поймав его улыбку. — Зарецкий, у вас вопрос?

— Да, — он поднял руку с нарочитой серьёзностью. — А если я must поговорить с вами после занятий? Это тоже внутренний выбор?

Студенты захихикали. Аня из второй парты даже прикрыла лицо тетрадью.

— Внутренний выбор — это подготовиться к контрольной. А ваше must оставьте на перемене, — Анна постучала указкой по столу.

Когда звонок наконец прозвенел, она собрала бумаги дрожащими руками.

«Нахал! Он не посмеет. Не здесь. Не при всех».

— Анна Львовна, — его голос за спиной. — У нас договор.

Она обернулась:

— Никакого договора. Ты получил танец. Всё.

— Но я не был до конца удовлетворён, — он шагнул ближе, понизив голос. — Почему ты бежишь? Боишься, что я расскажу? Или боишься, что мне понравится то, что я узнаю?

Анна выпрямилась, глядя ему в глаза:

— Кирилл, если ты хоть слово скажешь о клубе — я уволюсь. И ты это должен понимать.

— А если я скажу, что хочу узнать тебя не как Luna, а как Анну? — он улыбнулся, но в глазах была твёрдость. — Что тогда?

Она молчала. Где-то за дверью смеялись ученики, звенел чайник в чьей-нибудь препа- раторской, а здесь, в пустом кабинете, время будто остановилось.

— Тогда ты глупый, — прошептала она наконец. — Потому что я не та, кого ты хочешь видеть.

— А кто ты?

— Я — учительница. И это всё.

— А вчера ты была танцовщицей.

— Вчера была работа.

— А сегодня?

— Сегодня — урок.

Он кивнул, но улыбка не исчезла:

— Хорошо. Тогда начнём с урока. Но после... после мы поговорим. По-настоящему.

И вышел, оставив её одну среди разбросанных тетрадей и невысказанных слов.

После пар Анна стояла у крыльца, вдыхая прохладный осенний воздух. Листья шуршали под ногами, где-то вдали слышался смех парней, играющих в баскетбол. Она достала из сумки телефон — ни звонков, ни сообщений.

«Конечно. Он не станет писать. Он же всё решает лицом к лицу».

— Анна Львовна!

Она обернулась. К ней шёл ректор, Михаил Иванович, в своём неизменном сером костюме, с папкой в руке.

— Как раз вас ищу. Завтра всеобщее собрание, нужно обсудить успеваемость филологического факультета. Вы ведь возьмёте слово?

— Конечно, — она кивнула, стараясь сосредоточиться на разговоре. — Подготовлю статистику.

— Отлично. И ещё... — он запнулся, глядя куда-то за её спину. — Вижу, у вас с Зарецким... особые отношения?

Анна почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— В каком смысле?

— Да так, — он пожал плечами. — Был замечен. Он слишком часто к вам заглядывает. Не хочу, чтобы были недоразумения. Вы же понимаете, как это выглядит.

— Понимаю, — она сжала ремешок сумки. — Никаких недоразумений не будет.

Ректор кивнул и пошёл дальше, а Анна осталась стоять, чувствуя, как внутри растёт тревога.

«Он уже заметил. А что скажут другие?»

В послеобеденное время кафе гудело словно потревоженный улей. Она села за столик у окна, сжимая чашку кофе. Кирилл уже ждал. Он был в джинсах и худи, и совсем не похож на вчерашнего клиента клуба.

— Ты пришла, — он улыбнулся. — Я думал, ты сбежишь.

— Я не бегаю, — она отпила глоток, чувствуя горечь на языке. — Но и не собираюсь играть в твои игры.

— Это не игра, — он положил ладони на стол. — Я просто хочу понять. Почему ты там? Зачем?

Анна посмотрела в окно. Мимо шли люди, каждый со своей тайной, своим «ночным» я.

— Потому что днём я даю правила. А ночью я их нарушаю. Это... баланс.

— Баланс или бегство?

Она резко повернулась:

— А тебе-то что? Ты пришёл посмеяться? Похвастаться перед друзьями, что видел учительницу в клубе?

— Я пришёл сказать, что ты самая интересная женщина из всех, кого я знаю, — он говорил тихо, но твёрдо. — И я не хочу тебя шантажировать. Я хочу... быть рядом.

Анна рассмеялась, но смех вышел горьким:

— Рядом? Ты студент. Я же твой учитель. Это незаконно. Это неправильно.

— А любить — правильно?

Она замерла. «Любить? Он серьёзно?»

— Ты не можешь меня любить. Ты даже не знаешь меня.

— Тогда дай мне узнать.

— Кирилл, не смейся. Даже если чисто гипотетически мы станем встречаться, — и от этой мысли улыбка вырвалась из уст, — то как это вообще будет происходить? На парах будем делать вид, будто между нами ничего нет? А после что? Куда будем ходить после учёбы? Не думаешь же ты, что я стану провожать тебя до общаги. И вообще, между нами десять лет разницы. И только в этом мы ох какие разные.

Кирилл хотел протестовать, но вдруг не нашёл подходящих аргументов для ответа. Он осёкся, а она продолжала сверлить его настойчивым, в меру надменным взглядом.

За окном зажглись фонари. Где-то играла музыка — не клубная, а тихая, из уличного кафе. Анна смотрела на парня, который утром вызывал у неё раздражение, а сейчас... сейчас она не знала, что чувствует. Только то, что мир снова стал слишком сложным.

— Тебе нужно уйти, — она встала, бросив на стол купюру. — И забудь про клуб. Забудь про меня. Пожалуйста.

— А если не забуду?

Она остановилась в дверях:

— Тогда ты сделаешь нам обоим больно.

Он не ответил. Только смотрел, как она уходит, растворяясь в вечерних огнях города.

Усталость одолевала. Хронический недосып, нервы, Кирилл Зарецкий. Всё смешалось одновременно, нависло словно груз проблем, от которого хотелось освободиться, переступив порог собственного жилья.

Она стояла у окна, глядя на тёмные улицы. В комнате пахло кофе и осенней сыростью. На столе лежали нераспечатанные тетради, а рядом тот самый конверт с деньгами. Её квартира была также для неё неким подобием крепости, так называемым распутием между ночным миром и дневным.

Телефон пискнул. Сообщение:

«Я не забуду. И не отступлю. Давай поговорим завтра. В 18:00 в нашем кафе».

«В нашем кафе?» — усмехнулась она.

Анна закрыла глаза. Где-то вдалеке раздался смех — видимо, молодёжь гуляла допоздна. Она представила, как Кирилл сейчас идёт по тем же улицам, думает о ней, строит планы...

— Что же ты делаешь со мной? — прошептала она в пустоту.

Ответа не было. Только ветер шелестел листьями за окном, будто пытаясь что-то сказать.

3 глава

3 глава

Анна вошла в полутёмный зал, огляделась. Кирилл уже сидел за тем же столиком у окна. Он был в джинсах и чёрной водолазке, с небрежно откинутыми со лба волосами. При виде неё он поднялся, отодвинул стул.

— Ты пришла, — в его голосе прозвучало неподдельное облегчение.

— Пришла, — она села, стараясь не смотреть ему в глаза. — Но только для того, чтобы всё прояснить. Наверное, в прошлый раз я как-то не ясно высказалась.

Он кивнул, не перебивая. Официант поставил перед ней чашку чая, и Анна обхватила её ладонями, словно искала тепла.

— Я не могу встречаться с тобой, — она заговорила тихо, но твёрдо. — Это не просто нарушение правил. Это разрушение всего, что я построила.

— А что ты построила? — Кирилл наклонился вперёд. — Школу, где ты безупречная учительница? Квартиру, где ты живёшь одна? Жизнь, где всё расписано по минутам?

— Это моя жизнь, — она сжала чашку. — И она меня устраивает.

— Устраивает или утешает?

Анна замолчала. За окном мимо проплывали огни машин, где-то смеялись прохожие.

— Знаешь, в клубе я чувствую себя живой, — она неожиданно для себя продолжила. — Там я не обязана быть правильной. Не должна следить за каждым словом, за каждым жестом. Там я — просто я.

— А со мной ты не можешь быть собой?

— С тобой — особенно. Потому что ты видишь слишком много.

Кирилл помолчал, потом тихо спросил:

— А если я скажу, что мне нравится всё, что я вижу? И учительница, и танцовщица?

— Это наивно. Ты молод. Бурлят гормоны. Всё кажется не таким, каким является на самом деле. И я тоже. Просто очередная сексуальная фантазия, до которой вдруг неожиданно можно дотронуться. Но это всего лишь фантазия. В реальной жизни у нас в принципе не может быть никаких перспектив.

— Может быть. Но я не играю. Я правда хочу понять тебя.

Нет, от него точно просто так не избавиться. Она поняла это почти сразу, как только заговорила с ним в приватной комнате. Сейчас это стало более понятным. На секунду вспомнила себя в том же возрасте, что и Кирилл.

— Кирилл, а давай прогуляемся. Не хочу сидеть тут.

Они шли по аллее, усыпанной опавшими листьями. Вечер был прохладный, но не холодный, один из тех, что ещё хранят тепло бабьего лета.

— Почему ты вообще пошла работать в клуб? — Кирилл нарушил молчание.

Анна вздохнула:

— Сначала это было из-за денег. Мама болела, нужны были лекарства. Потом... потом это стало чем-то большим.

— Побегом?

— Возможно. Но не от жизни, а к другой её стороне. Днём я даю знания. Ночью — чувствую. Это как два языка: один для общения, другой для души.

— И ты думаешь, я не смогу понять этот второй язык?

Она остановилась, посмотрела на него:

— Сможешь. Но это изменит всё.

— А разве не должно меняться? Жизнь — это движение. Если всё остаётся неизменным, значит, ты стоишь на месте.

— Или находишь равновесие.

— Равновесие — это когда обе чаши весов наполнены. А у тебя одна чаша пуста.

Анна усмехнулась:

— Философствуешь, малыш?

Его задели её слова.

— Пытаюсь понять. И знаешь что? Я не вижу в тебе раздвоения. Я вижу цельного человека, который боится признать, что ему нужны обе стороны.

— А ты не думал, что мне просто может нравится такая жизнь? Я хочу быть и хорошей, и плохой, и таким образом воплощаю свои желания. Не думал, что я кайфую от такого образа жизни?

Он хотел коснуться её талии, но она вовремя увернулась.

— Где-то ты смел и нагл, а где-то ведёшь себя как неоперившийся юнец.

— Прости. Я не знаю как себя вести рядом с такой девушкой, как ты. Ты мне безумно нравишься, и я хотел бы с тобой встречаться, но не понимаю как подступить.

— Ну вот, набрался смелости и высказал мне всё напрямую. Это хорошо. Но позволь и мне высказаться.

Они остановились. Он ждал, а она не торопилась, будто растягивая момент откровения.

— Кирилл, ты видел меня в разных позах, в откровенном наряде. Я скакала на тебе в приватном танце, потому что ты заплатил мне за интимную услугу, и уже одно это перечёркивает возможное будущее между нами. Так люди не начинают встречаться.

— А как начинают?

— Не знаю, но только не так. Не обижайся, но ты для меня слишком мелкий. Будет лучше, если мы оставим друг друга в покое. Мне хорошо, тебе хорошо. В этой жизни каждому своё, понимаешь? Не стоит пытаться прыгнуть выше головы.

Грубо, но зато честно. Одна сторона её личности ни в коем разе не должна пересекаться с другой. Она в этом была убеждена.

Вернувшись домой, Анна долго не могла выкинуть этот разговор из головы. Она долго стояла у зеркала, снимая серьги. Рука будто зависла. В голове крутились его слова: «Ты боишься признать, что тебе нужны обе стороны».

«Да что он вообще может понимать?»

Телефон пискнул. Сообщение от Кирилла:

«Спасибо за вечер. Даже если ты решишь, что это был последний раз».

Анна закусила губу. Рука сама потянулась ответить, но она остановила себя. Вместо этого подошла к столу, достала из ящика тетрадь в кожаном переплёте — свой дневник.

«Сегодня я почти призналась себе в том, чего боялась все эти годы. Что мне действительно нужны обе стороны моей жизни. И что страх потерять контроль — это всего лишь страх. Но как быть с ним? С этим упрямым, искренним парнем, который видит меня насквозь?»

За окном проехала машина, осветив комнату на мгновение. Анна закрыла дневник, выключила свет. В темноте её мысли кружились, как осенние листья на ветру.

4 глава

4 глава

Анна шла по коридору, когда услышала смех. У окна стояли три второкурсницы, листали телефон и хихикали.

— Смотрите, какая фотка! — одна из них показала экран подруге.

Анна невольно замедлила шаг. На фото была она — в кафе, с Кириллом. Снимок сделан издалека, но лица различимы.

— Говорят, она с Зарецким встречается. Вот это поворот!

— Да ладно, он же студент...

— Ну и что? Он красавчик. А она... ну, для своего возраста ничего.

Анна резко развернулась и пошла прочь, оставив незамеченной. Сердце билось так громко, что она едва слышала собственные шаги. «Кто сделал снимок? Когда? И главное — зачем выложил?»

В учительской было шумно. Она попыталась сосредоточиться на подготовке к уроку, но мысли путались.

— Анна Львовна, вы в порядке? — спросила коллега, Ольга Петровна.

— Всё хорошо, — она натянуто улыбнулась. — Просто голова болит.

— Понятное дело. С такими новостями...

Анна замерла:

— Какими новостями?

Ольга Петровна смутилась:

— Ой, я думала, вы знаете... В университетском чате фото появилось. Вы с одним из учеников в кафе. Уже все обсуждают.

Её взгляд мгновенно вспыхнул. «В университетском чате!» Что это могло значить для неё? Слухи! Слухи! Слухи! А потом кто-то случайно раскопает про клуб, и всё, её песенка окончательно спета. Она лишится работы, дохода, уважения, а главное — одной из жизней, без которой не могла себя представить.

Ольга Петровна виновато потупилась.

— Да бросьте вы. Мало ли кто там чего выложил. Интернет — это помойка. Нечего нам всякий мусор собирать ради чьей-то глупой забавы.

— Надеюсь, вы не думаете... — нарочито тихо начала Анна.

— Сказала же, нет. Просто очередная тупая шутка.

Но Анна ей не поверила, хотя преподавательница и пыталась говорить убедительно.

После пар Анна сидела за столом, глядя на закрытую дверь. В голове стучало: «Кто? Кто это сделал?», и какие последствия кроме людской молвы могли последовать.

Дверь приоткрылась. На пороге стоял Кирилл.

— Я знаю, что фото в сети, — он вошёл, не дожидаясь приглашения. — Это не я.

— А кто?

— Не знаю. Но готов помочь всё уладить.

— Как? Объявить, что это просто случайная встреча?

— Нет. Сказать правду.

Анна подняла на него глаза:

— Правду?

— Что мы встречаемся. Что я люблю тебя.

Тишина. Только далёкий шум школьного двора проникал сквозь закрытое окно.

— Этого нельзя говорить, — она встала, сжимая край стола. — Ни слова правды. Ни полуправды. Ничего.

— Тогда что ты предлагаешь?

— Чтобы ты исчез из моей жизни. Сейчас же.

Он не двинулся с места.

— Если я исчезну, это не решит проблему. Фото останется. Слухи останутся. Единственный способ — это взять ситуацию под контроль.

— Да спустись же ты с небес на землю! Мы не встречаемся. Это невозможно.

— Хочешь сказать, что ты не думаешь обо мне?

Анна закрыла глаза. Где-то внутри что-то надломилось.

— Ты не понимаешь. Если правда про меня, про клуб выйдет наружу, я потеряю всё. Работу. Репутацию. Доверие.

— При чём тут клуб? Речь о нас двоих.

— Нет никаких нас двоих. Нет и не было никогда. Хватит выдумывать.

Она замолчала. Ветер за окном шелестел листьями, будто повторял её слова.

— Дай мне время, — наконец прошептала она. — Я должна решить, как поступить.

— Хорошо. Но знай: я никуда не уйду.

Он вышел, оставив её одну в пустой комнате, где каждый предмет, каждый уголок напоминал о двойственности её жизни.

Вечером того же дня она сидела на диване, обхватив колени руками. Телефон лежал рядом, но не было ни звонков, ни сообщений.

В дверь постучали.

Анна подошла, посмотрела в глазок. На площадке стоял Кирилл с букетом жёлтых хризантем. Хотела притвориться, будто её нет дома, но сил на протесты совсем не осталось, ибо все нервы она оставила на работе.

Рука сама потянулась за ручку. Он предстал перед ней во всей красе, с горящим взглядом и нервной ухмылкой на моложавом лице.

— Знаю, что не должен приходить, — он протянул цветы. — Но не мог не принести это. Жёлтые — потому что символизируют надежду.

Она взяла букет, вдохнула аромат.

— Надежда — это хорошо. Но иногда она только продлевает страдания.

— А иногда даёт силы двигаться дальше.

Анна посмотрела на него. В его глазах не было ни насмешки, ни давления. Только искренность.

— Заходи, — тихо сказала она, открывая дверь шире.

Анна сделала шаг назад, пропуская Кирилла в прихожую. Дверь захлопнулась, отрезав их от внешнего мира. В квартире было тихо, и только тиканье часов на стене и их прерывистое дыхание.

Он не спешил проходить дальше. Просто стоял, не снимая куртки, будто боялся нарушить хрупкое равновесие момента. Букет хризантем по-прежнему был у неё в руках. Жёлтые лепестки дрожали, касаясь пальцев.

— Зачем ты пришёл? — голос Анны прозвучал тише, чем она хотела.

— Потому что не мог не прийти.

Она опустила глаза, разглядывая узор ковра под ногами. Время будто замедлилось, растянулось в тягучую, томную нить.

Кирилл медленно приблизился. Не резко, не напористо, а так, чтобы она могла остановить его одним словом. Но Анна не сказала ни слова. Только крепче сжала стебли цветов, чувствуя, как прохладные лепестки касаются запястья.

Его рука осторожно коснулась её плеча. Лёгкое прикосновение, почти невесомое, но от него по коже побежали мурашки, а в груди что-то сжалось и тут же распустилось, как цветок под весенним солнцем.

— Ты дрожишь, — прошептал он.

— Это от холода, — соврала она, не поднимая взгляда.

— Нет. Это от правды. Той, которую мы оба знаем, но не говорим.

Анна наконец подняла глаза. В полумраке прихожей его лицо казалось одновременно незнакомым и до боли родным. Черты размыты тенями, но взгляд пронзительно ясный, будто видит её насквозь.

Он медленно снял куртку, бросил на стул. Шагнул ближе. Теперь между ними оставалось лишь дыхание, короткое, прерывистое, словно они оба учились дышать заново.

Её пальцы разжались, и хризантемы мягко опустились на пол. Жёлтые лепестки рассыпались по ковру, как капли света.

— Если ты сейчас уйдёшь, — прошептала она, — это будет самым правильным решением.

— А если не уйду?

Ответа не было. Только её рука, сама собой потянувшаяся к его лицу, пальцы, коснувшиеся скулы, линии подбородка, губ. Лёгкое, почти робкое прикосновение, в котором было больше признания, чем в любых словах.

Он наклонился, и их губы встретились — сначала нерешительно, будто пробуя, проверяя границы дозволенного. Потом увереннее, глубже, как будто оба наконец позволили себе то, что так долго сдерживали. В этот миг училка внутри неё окончательно уснула, уступив место страстной танцовщице, которая не привыкла сдерживать собственные желания.

Руки Анны скользнули вверх, запутались в его волосах, притянули ближе. Его ладони легли на её талию, медленно двинулись выше, очерчивая изгибы спины, плеч, шеи. Каждое прикосновение было как искра, сначала едва заметная, потом всё ярче, всё жарче.

Она прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бьётся в такт с её собственным — быстро, сбивчиво, отчаянно. Где-то на краю сознания мелькнула мысль: «Это неправильно», но она тут же растворилась в тепле его рук, в мягкости его губ, в том странном, пьянящем ощущении, что всё наконец встало на свои места.

— Анна... — его голос дрогнул, когда он на мгновение отстранился, глядя ей в глаза. — Я не хочу, чтобы это было ошибкой.

— Тогда не делай её, — она провела пальцем по его губам. — Просто будь здесь. Сейчас.

И он снова поцеловал её, теперь уже без сомнений, без оглядки на завтрашний день, на правила, на страхи. Только они двое, только этот миг, только тепло тел, сливающихся воедино, как два потока, наконец нашедшие общий путь.

За окном падал осенний дождь. Капли стучали по подоконнику, будто отсчитывая секунды их новой реальности. А внутри квартиры, в полумраке, под шёпот дождя, они нашли то, чего так долго искали — не оправдание, не объяснение, а просто правду. Правду своих тел, своих сердец, своего «сейчас».

5 глава

5 глава

Полумрак гримёрки пронизывали резкие блики неоновых ламп, дробясь в осколках разбитого зеркала, приклеенного к раме скотчем. Анна сидела перед своим зеркалом, нанося последний штрих — тёмно-вишнёвую помаду. Её отражение дрожало, будто десяток Анн одновременно смотрели на неё, каждая со своим выражением лица.

— Ну что, признавайся, — Лиза, её соседка по зеркалу, подпёрла подбородок рукой, встряхнув пышными рыжими локонами. — Как оно, спать с учеником? Ну, не томи!

По гримёрке прокатился смех. Девушки отложили кисти и пудры, повернулись к Анне. Кто-то хрустел чипсами, кто-то поправлял стразы на костюме, а кто-то, как Марина, демонстративно закатила глаза, но всё равно слушала, ведь любопытство было сильнее показного равнодушия.

Анна провела пальцем по краю зеркала, будто проверяя, не порежется ли.

— Это... сложно объяснить.

— Да чего тут объяснять! — Марина, самая бойкая из них, хлопнула в ладоши так, что звякнули браслеты на её запястье. — Ты нарушила все правила. И как ощущения? Будто с парашютом прыгнула? Или как в первый раз на шесте?

— Не сравнивай, — тихо отозвалась Анна, разглядывая свои руки. — Это совсем другое.

— А по-моему, всё одно: адреналин, риск, кайф, — Марина подмигнула. — Только тут не тело рискует, а репутация. Ну и что? Зато как ярко!

— Я не искала яркости, — Анна вздохнула, беря кисточку с перламутровыми тенями. — Просто... так вышло.

Настя, сидевшая в углу на потрёпанном пуфе, оторвалась от телефона и включилась в разговор:

— Вот я всегда говорила: если мужик нравится, бери, пока горячий! Жизнь одна, а эти ваши «надо-нельзя» — просто цепи.

— Ага, а потом будешь плакать, когда он тебя бросит, — парировала Марина, скрещивая ноги. — Мы здесь не для того, чтобы влюбляться. Мы здесь, чтобы деньги зарабатывать. И чем богаче клиент, тем лучше. Точка.

— А если он бедный, но душа золото? — не унималась Настя. — Что, сразу мимо?

— Душа — не валюта. В банке её не положишь. А вот счёт в швейцарском, вполне себе можно.

Девушки заспорили, перебивая друг друга. Кто-то кивал Анне, кто-то качал головой, кто-то уже забыл про неё и вернулся к макияжу, но разговоры не затихали.

— Вы хоть понимаете, что я не выбирала? — тихо сказала Анна, глядя в зеркало. — Это просто случилось.

— «Просто случилось» — это отговорка для тех, кто боится признать, что хочет, — фыркнула Марина, доставая из сумки блеск для губ. — Ты же не дура. Знала, чем закончится.

— Может, я и не хотела, чтобы заканчивалось... — Анна опустила кисточку.

— Ну а лет-то ему сколько? На сколько ты его старше?

— Не знаю точно. Лет девятнадцать, наверное.

Тишина. Даже шум из зала на мгновение стих, будто сам клуб затаил дыхание.

— Ты серьёзно? — Лиза наклонилась ближе, её глаза расширились. — Вы с ним из одного поколения. Он же студент. Ни денег, ни положения. Что ты с ним будешь делать? Квартиру на его стипендию снимать? Или он тебя на свои лекции водить будет?

Анна закрыла глаза. *«Что я с ним буду делать?»*

— Не знаю, — призналась она наконец. — Но когда он рядом, я чувствую... будто вся моя жизнь — это две половины, и только с ним они складываются в целое.

— Ой, лирика! — Марина закатила глаза. — Целый Шекспир, честное слово. Ты бы ещё сонеты писала.

— А что, если это любовь? — тихо спросила Настя.

— Любовь? — Марина расхохоталась. — Девочки, вы ещё про бабочек и единорогов расскажите. Любовь — это когда он приносит тебе сумку от Луи Виттон, а не конспект по экономике.

— А если не в сумке дело? — возразила Настя. — Если в том, как он смотрит? Как говорит? Как держит за руку?

— Тогда ты наивная, — отрезала Марина. — В этом мире всё продаётся и покупается. И чувства не исключение.

— Но ведь не у всех! — Настя вскочила. — Я вот верю, что есть настоящие мужчины. Которые не за деньги, а за душу.

— И где они, эти настоящие? — Марина обвела взглядом гримёрку. — Вокруг нас? В зале? Или ты их в сериалах видела?

— В жизни тоже есть! — настаивала Настя. — Моя тётя вот вышла за простого учителя. Живут душа в душу уже двадцать лет.

— Двадцать лет — это долго, — вздохнула Лиза. — А я вот не хочу ждать. Хочу сейчас. Чтобы рестораны, бриллианты, путешествия. Чтобы не считать копейки до зарплаты.

— Так и будешь всю жизнь ждать принца на белом «Мерседесе», — усмехнулась Марина. — А он, может, уже давно мимо прошёл, а ты его не заметила, потому что в списке требований не хватало «роллс-ройса».

Девушки снова заспорили. Кто-то смеялся, кто-то горячо доказывал свою точку зрения, кто-то просто слушал, подливая себе кофе из термоса. Анна молчала, наблюдая за ними.

«Они все по-своему правы. И все по-своему ошибаются. Потому что нет одного верного ответа. Есть только мой выбор».

Клуб жил своей жизнью. Люди, деньги, горячительные напитки. Музыка ударила в уши, как волна, заставив сердце биться в унисон с басами. Анна вышла на сцену полуобнажённая, в серебристом боди, переливающимся под прожекторами. Шест блестел, отражая огни, будто был сделан из жидкого металла.

Она начала танец сперва медленно, с растянутых движений, будто пробуя пространство. Пальцы скользили по металлу, тело изгибалось, следуя ритму. В зале свистели, хлопали, кто-то выкрикивал её псевдоним:

— Luna! Давай! Покажи класс!

Но она не смотрела на них. Её глаза искали *его*.

«Где он? Почему не пришёл? А должен ли был прийти сегодня?»

Впервые за всё время работы в клубе она танцевала не для публики. Она танцевала для человека, который не был здесь. И это делало движения пустыми, будто она крутилась в вакууме.

Музыка набирала темп. Анна ускорила, почти в отчаянии, будто пыталась докричаться до него через стены, через расстояние. *«Посмотри на меня. Хотя бы сегодня».*

Но его не было.

Когда музыка стихла, она едва дышала. Пот стекал по спине, волосы прилипли ко лбу. Она поклонилась, улыбнулась, но так, механически, как учили.

За кулисами её окликнул грубый голос:

— Luna, стой! — администратор Сергей перехватил её у выхода, размахивая планшетом. — У тебя клиент в приватке. Заплатил двойной тариф. Весёлый.

Сердце подскочило. *«Кирилл?»*

— Он... сказал, кто он? — голос дрогнул, но Анна тут же взяла себя в руки.

— Не-а. Но деньги хорошие. Очень хорошие.

Анна кивнула. *«Конечно. Почему бы и нет».*

Она поправила костюм, провела рукой по волосам, собирая мысли в кучу. *«Если это он — я скажу всё. Если нет...»*

Дверь в приватную комнату открылась бесшумно. В полумраке у окна стоял мужчина лет пятидесяти, в дорогом тёмно-синем костюме, с перстнем на пальце. Не Кирилл.

Анна замерла на пороге, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Добрый вечер, — её голос звучал ровно, будто не она только что танцевала на сцене.

— Что вы хотели?

Мужчина улыбнулся, не тепло, а так, будто оценивал товар. Достал из кармана пачку купюр, положил на столик.

— То, что ты умеешь.

Тишина. Только гул музыки из зала, приглушённый стенами.

Анна смотрела на деньги. *«Это просто работа. Это просто деньги».*

Она подошла, взяла их, засунула в лифчик. Ткань натянулась, но выдержала.

«Кирилл не придёт. Он уже получил всё, что хотел. А я... я просто танцовщица. Как и всегда».

— Начнём? — спросила она, не глядя ему в глаза.

Мужчина кивнул, опустился в кресло.

Анна включила музыку — медленную, тягучую, и начала танец. Но на этот раз её движения были точными, холодными. Она больше не искала взгляда. Она просто делала свою работу.

А где-то в глубине души, под слоем пудры и блёсток, тихо умирала маленькая надежда.

Всё про всё у неё заняло почти час. Анна вернулась в гримёрку, сняла костюм, бросила его на стул. Руки дрожали, но она старалась не показывать этого.

— Ну как? — спросила Лиза, поднимая глаза от телефона. — Клиент доволен?

— Доволен, — холодно сказала она.

6 глава

6 глава

Кирилл стоял у окна своей комнаты, глядя на подсвеченный фонарями парк. Листья клёнов, ещё не успевшие опасть, отливали бронзой в искусственном свете. Он уже накиннул куртку, собираясь уйти. В голове пульсировала одна мысль: «*Анна*». Хотелось скорее увидеть её, обнять, сказать то, что не получалось выразить в коротких сообщениях.

Но из-за двери донёсся голос матери:

— Кирилл, ты куда? Сегодня ужинаем вместе. Я приготовила твоё любимое.

Он замер, сжал кулаки. *Опять*. Сколько раз он уже пытался вырваться из этого дома, где каждый шаг контролировался, каждое решение обсуждалось, а любое желание встречало стену родительской воли.

— Мам, я... — начал он, но она уже вошла в комнату, не дожидаясь ответа.

— Знаю, ты опять куда-то спешишь. Но сегодня — нет. Отец тоже будет. Мы давно не собирались за одним столом.

Её тон не допускал возражений. Кирилл медленно снял куртку, повесил на крючок. *«Ладно. Один ужин. Потом я всё равно уйду»*.

В столовой огромный стол из тёмного дуба блестел под светом хрустальной люстры. Прислуга молча расставляла блюда: запечённая рыба, овощи на гриле, салат с кедровыми орешками. Отец уже сидел во главе стола, листая ленту новостей в планшете. Его профиль, чёткий и властный, напоминал Кириллу изваяние, такое же неподвижное и неумолимое.

— Садись, — коротко бросил он, не поднимая глаз.

Кирилл сел. Тишина давила. Только стук приборов о фарфор и далёкие голоса охранников за окном.

— Как дела в университете? — мать наконец нарушила молчание, разливая чай по фарфоровым чашкам.

— Нормально, — буркнул Кирилл, ковыряя вилкой рыбу. — Всё как всегда.

— «Нормально» — это не ответ, — отец отложил планшет, посмотрел на него. — Ты пропускаешь занятия?

— Нет.

— А почему тогда твой куратор звонил мне на прошлой неделе? Сказал, ты задерживаешь сдачу проекта.

Кирилл сжал ложку. *«Они всё знают. Всегда»*.

— Я работаю над ним. Просто... много других дел.

— Других дел? — отец приподнял бровь. — Например?

— Друзья, — Кирилл попытался улыбнуться. — Иногда хочется отдохнуть.

Мать вздохнула, переглянулась с отцом. Тот кивнул, будто подтверждая невысказанное.

— Хорошо. Но давай без преувеличений. Отдых — это прекрасно, но ответственность прежде всего.

«Конечно. Ответственность. Всегда ответственность».

Ели молча, почти не разговаривая. Очистив свою тарелку, Кирилл посчитал, что все «традиции» им соблюдены в полной мере. Еда почти закончилась. Он уже собирался встать, но отец вдруг спросил:

— Ты не заметил ничего странного в своих банковских операциях?

Кирилл замер.

— Что ты имеешь в виду? — попытался сохранить спокойствие.

— С твоей карты уходят крупные суммы. Регулярно. Ты что-то скрываешь?

— Это... развлечения. С друзьями, — Кирилл сглотнул. — Кафе, кино, поездки.

— Развлечения? — отец усмехнулся. — За последний месяц ты потратил больше, чем за весь прошлый год. И ни одного чека.

— Пап, я же не ребёнок, — Кирилл почувствовал, как закипает внутри. — Я могу распоряжаться своими деньгами. Тем более не надо преувеличивать. Я не считаю, что транжирю свои деньги куда попало. Правда.

— Пока ты живёшь в этом доме, твои деньги — это наши деньги, — голос отца стал жёстче. — И я хочу знать, куда они уходят.

Тишина. Мать нервно теребила салфетку. Кирилл смотрел в тарелку, пытаясь сдержать гнев. *«Почему он не понимает? Почему всё должно быть под контролем?»*

— Я просто... трачу их, — он поднял глаза. — Как хочу.

Отец медленно отложил приборы, посмотрел ему в лицо.

— Ты забываешь, кто здесь хозяин. Пока ты не обеспечиваешь себя сам, ты подчиняешься правилам. И одно из них — прозрачность.

Кирилл прикусил язык. *Спорить бесполезно. Они всегда побеждают.*

— Извини, — тихо сказал он. — Я буду внимательнее следить за тратами.

Отец кивнул, удовлетворённый. Снова поднял планшет. Видимо, для него это была победа над собственным сыном.

— И ещё, — мать положила руку ему на плечо. — Останься сегодня дома. Мы так редко видимся.

Опять. Кирилл хотел отказать, но увидел её взгляд — мягкий, но настойчивый. *Она не отпустит.*

— Ладно, — выдохнул он. — Останусь.

Спустя полчаса он лежал на кровати, глядя в потолок. Телефон лежал рядом. Экран потух, будто уснул. Кирилл думал о том, что написать Анне. *«Привет. Прости, что не пришёл. Отец... ну, ты понимаешь».* Нет. Слишком банально. И уж как-то по-идиотски. *«Я скучаю. Хочу тебя видеть».* Слишком откровенно. *«У меня проблемы, извини».* Слишком жалко.

Ничего не подходило.

В голове всплыла картина: Анна на сцене, в свете прожекторов, её тело изгибается вокруг шеста, а вокруг десятки мужских взглядов, жадных, оценивающих. Он сжал кулаки. *«Почему я не могу её защитить? Почему не могу просто взять её за руку и сказать: «Это моя женщина»?»*

Но перед глазами снова возник отец: *«Пока ты не обеспечиваешь себя сам...»*

Кирилл закрыл лицо руками. *Когда всё стало так сложно?*

Он вспомнил их первую встречу, как она стояла у окна кабинета, строгая, неприступная, а он чувствовал, будто знает её всю жизнь. Вспомнил её смех, когда он шутил на уроке, её взгляд, когда она впервые позволила себе расслабиться рядом с ним. *Это не просто увлечение. Это что-то большее.*

Но как объяснить это родителям? Как сказать, что он влюбился в женщину, которая старше его, которая работает в клубе, которая... которая не вписывается в их мир?

Телефон завибрировал. Сообщение от Анны:

«Сегодня был тяжёлый день. Думаю о тебе».

Кирилл улыбнулся. *«Она думает обо мне. Значит, это не зря».*

Он начал набирать ответ, но остановился. *Что сказать?* В итоге написал коротко:

«Я тоже думаю о тебе. Завтра увидимся?»

Ответ пришёл мгновенно:

«Если сможешь».

Он закрыл глаза. *«Если смогу. Если они позволят. Если я сам смогу решиться».*

Сон пришёл не сразу. В полудрёме ему казалось, что он стоит на краю обрыва, а внизу — два мира: один — золотой, холодный, с высокими стенами и строгими правилами; другой — тёплый, яркий, с музыкой и смехом, с её глазами, её голосом.

И он не знал, какой выбрать.

7 глава

7 глава

Утро выдалось серым. Туман стелился над асфальтом, размывая очертания деревьев у университетского корпуса. Анна шла, засунув руки в карманы пальто, и думала о том, как странно устроен мир: днём она — образец профессиональной сдержанности, а ночью — пламя под прожекторами. А между этими двумя реальностями был он. Кирилл.

«Зачем я это начала?» — мысленно спрашивала она себя, поднимаясь по ступеням. — «Теперь не могу выкинуть его из головы».

В холле пахло кофе из автомата и свежей типографской краской. Видимо, накануне развесили новые объявления. Анна поправила сумку на плече, мысленно настраиваясь на образ «строгой преподавательницы английского». Никаких полутонов. Только чёткие линии.

— Анна Львовна! — голос ректора догнал её у лестницы. Михаил Иванович шёл навстречу, сияя безупречной улыбкой. — Прекрасное утро, не находите?

— Доброе утро, Михаил Иванович, — она кивнула, стараясь не выдать внутреннего напряжения. — Да, погода сегодня... располагает.

Он рассмеялся, поправляя галстук:

— Знаю, вы не из тех, кто восторгается погодой. Но я рад, что вы в хорошем настроении. Кстати, насчёт завтрашнего методического совета...

— Я подготовлю доклад, — перебила она, мягко улыбаясь. — Всё будет готово к сроку.

— Вот за это я вас и ценю, — он задержал взгляд на её лице. — Ответственность и пунктуальность. Редкое сочетание.

Анна кивнула, мысленно отсчитывая секунды до момента, когда можно будет вежливо удалиться. Ректор ещё что-то говорил о планах на семестр, но она уже не слушала, ибо заметила в конце коридора фигуру Кирилла.

«Только не сейчас», — мысленно взмолилась она.

А вот у кабинета английского ей дорогу перегородил ещё один человек.

— Анна Львовна! — историк Пётр Сергеевич возник словно из ниоткуда, с папкой в руках и сияющей улыбкой. — Как же вы сегодня... ослепительны.

Она сдержала вздох. Пётр Сергеевич давно демонстрировал симпатию: то задержится у её стола после совещания, то «случайно» встретит в коридоре, то похвалит методичку с таким энтузиазмом, будто это поэма Пушкина.

— Вы слишком добры, Пётр Сергеевич, — она слегка наклонила голову, изображая смущение. — Просто хороший сон и чашка кофе.

— Нет, это не сон и не кофе, — он шагнул ближе. — Это природная харизма. Знаете, я всегда говорю студентам: язык — это не только грамматика. Это ещё и... магнетизм личности. А у вас он есть.

Анна улыбнулась, подбирая слова для вежливого ухода. «Надо заканчивать этот спектакль».

— Спасибо за комплимент. Вы тоже производите впечатление человека, который умеет увлечь аудиторию.

Пётр Сергеевич расцвёл: — О, вы заметили! Я стараюсь. Кстати, может, как-нибудь обсудим это за чашечкой кофе? Вне стен университета?

«Вот и приглашение».

— Давайте сначала разберёмся с текущими делами, — она мягко отстранилась, глядя на дверь кабинета. — У меня пара через десять минут, нужно подготовиться.

Но он не сдавался:

— Тогда, может, сегодня в столовой? На обеде? Я как раз свободен в полдень.

Анна уже открыла дверь, но замерла на пороге:

— Посмотрим по обстоятельствам. Сейчас главное — занятия.

За спиной Петра Сергеевича, у окна, стоял Кирилл. Он видел всё: её руку на плече историка, её смех над его шуткой, их разговор. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах мелькнуло что-то резкое, будто он проглотил осколок стекла.

Анна заметила его взгляд. *«Чёрт! Он думает, что я флиртую. Что мне нравится Пётр Сергеевич».*

И тогда, сама не зная почему, она сделала то, что сделала:

— Пётр Сергеевич, вы так забавно рассказываете, — она снова рассмеялась, чуть касаясь его рукава. — Прямо как мой дядя, когда он...

Голос оборвался. Кирилл развернулся и ушёл, растворившись в толпе студентов. Рядом с ним тут же появились друзья. Все они что-то обсуждали, смеялись, но он молчал.

Анна выдохнула, отступая в кабинет. *Глупо. Так глупо.*

— Значит, в полдень? — Пётр Сергеевич всё ещё улыбался. — Я буду ждать у входа в столовую.

— Да, посмотрим, — повторила она, закрывая дверь.

Она села за стол, сжимая край тетради. Руки дрожали.

«Зачем я это сделала? Чтобы он ревновал? Чтобы доказать себе, что могу быть равнодушной?»

Звонок на пару прозвенел резко, вырвав её из раздумий. Студенты начали заходить, шумя и переговариваясь. Среди них был Кирилл. Он сел на заднюю парту, не глядя на неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.